

В рамках современного литературного процесса произведение, написанное ясным языком в реалистической манере, не имеет шансов на то, чтобы в него вчитались. Именно поэтому оценки не выйдут за рамки традиции, как на первый взгляд не выходит за них сам опус.

«Исторический роман, — дает определение произведению Мария Богомолова в рецензии на сайте “Год литературы”*. — Главным героем этого романа, столь богатого сюжетными поворотами, является само время».

«В каждую историческую главу... писатель смог “вдохнуть жизнь”... Перед читателем проходит череда ярких личностей... и... сам царь Дарий, прошедший сложный путь... до отшельника, пытавшегося разгадать тайну уходящего времени». (Автор заметки**, в целом посвященной длинному списку премии «Большая книга», толкуя о царе Дарии, и вовсе допускает ошибку: на самом деле роман Андрея Волоса называется «Царь Дариан»***.)

Однако внимательное прочтение разрушает заведомо предполагаемые стереотипы.

Да, роман сложен из трех временных пластов, но это совсем не делает его историческим. Объединение разных эпох в единый сюжет — испытанный прием. Встречая сведенных вместе персонажей разных эпох, читатель должен найти то, что их объединяет. В этом до поры скрытом общем содержится зерно главных авторских идей.

Герои Андрея Волоса очень далены друг от друга во времени и пространстве, но каждый из них попадает в свои жернова хаоса и испытывает на себе ужас их равнодушного вращения.

* <https://godliteratury.ru/projects/patrin-volos-i-car-darian>

** <https://u24.ru/news/52740/chto-pochitat-na-karantine-longlist-rossiyskoy-premii-bol>

*** «Дружба народов», №3 за 2019 год.

Молодой филолог, чувствуя страх и бессилие, бежит из таджинского Душанбе, охваченного предчувствием кровавой смуты.

Каллиграф Афанасий Патрин, живущий в Константинополе XII века, тоже не властен над красочным, экзотическим кошмаром реальности.

Легендарный царь глубокой древности Дариан лишается царства и становится сначала рабом, затем учителем, а в конце концов отшельником и святым.

Что у них общего, кроме общечеловеческого трагизма бытия?

Первый герой счастливо влюблен. Она таджичка, и оба они побаиваются ее отца, Шарафа Мирхафизова, председателя богатого колхоза имени Двадцать второго партсъезда, человека с сильным характером. Возможно, отец не возражал бы против межнационального союза, но он понимает, что всё вокруг натится к катастрофе, и согласен на их брак лишь при условии немедленного отъезда молодых.

Героя тоже томят дурные предчувствия, ведь решительно на всем проступает печать скорых и ужасных перемен. Катастрофа, следующая за потерей людьми человечности, не менее страшна, чем стихийные бедствия, уносящие бессчетные жизни. «Загудела земля, предвещая дрожь и конвульсии. Страшной судорогой свело ее носное тело, стало оно колотья, раскаленная магма поперла из трещин, прогнулась казавшаяся незыблемой материковая плита и нахлынули в котловину волны времени — громокипящие, камнекрушащие».

Событийный ряд напряжен: тут и отъезд матери, и прощальная поездка героя к двоюродной сестре, и ее самоубийство. За неразберихой на таможне и нехваткой авиатоплива явственно стоит страшная тень гражданской войны. Пусть беглецов ждет скучная жизнь изгнанников, но они будут счастливы собственным тихим счастьем. Увы, героям не суждено долго им наслаждаться: Баюшна умирает родами.

В череде судьбоносных событий трудно обратить внимание на мелкий, никак не выделенный автором эпизод. Друг и коллега делает герою прощальный подарок — книгу, похищенную им в отделе древних рукописей, — чтобы спасти хоть крупицу того богатства, которому в случае неблагоприятного поворота событий — захвата города талибами — грозит полное уничтожение...

Второй герой — гражданин города Константинополя каллиграф Афанасий Патрин. Он не желает никаких перемен и не собирается никуда бежать. Правда, император Андроник Комнин жесток и бездушен, его власть тяжела и кровава, однако Патрин надеется, что лично его ужасы правления не коснутся, ведь император занят уничтожением только тех, кто грозит трону. Патрин — тихий человек, ремесленник, занятый работой и домом, — не должен оказаться в числе врагов Андроника. Афанасий любит жену и сына и озабочен понятными вещами. Он собрался купить небольшой участок земли близ дома, отдал задаток, надо завершить сделку, а тут как назло нет денег, и, чтобы как-то выкрутиться, надо закончить работу, заказанную ему одним из многочисленных родственников Андроника. Случайно оказавшись в гуще событий, в результате которых император действительно лишается трона, скромный каллиграф погибает, став жертвой пущенной вслепую боевой стрелы, и вторая половина книги о царе Дариане остается без его красочных миниатюр.

Герой третьей части романа — сам царь Дариан. Его жизнеописание — это энномий, аналог жития, герой которого не святой, а полководец или правитель. Дариан проживает полную превратностей жизнь. Вместо

того чтобы вкусить плоды закономерно ожидаемой воинской победы, он попадает в плен. Брат Тротиан называется его именем и занимает трон. Дариана не выкупают из плена, а продают в рабство. Он поневоле делается зандастом-гладиатором. Искалеченный и никому не нужный, он живет на положении брошенной собаки. Затем его увозит с собой некий перс: Дариан будет учить его детей греческому. Ненадолго обретенное хрупкое благополучие рушится со смертью милостивого перса. Нищий Дариан уходит в скитания и после многих лет отшельничества намеревается в продолжение скалы. Мазар святого Дариана находится неподалеку от нишлана Рухсор: там располагалась центральная усадьба колхоза имени Двадцать второго партсъезда, отсюда родом Мухиба, уже знакомая читателю несчастная Баюшка.

О том, что время идет по кругу, упорно говорят все герои повествования — говорят немногословно, но приметно.

Вот и само повествование красиво сошлось в замкнутую фигуру — только не в круг, а, скорее, в треугольник.

Одна его сторона — история филолога. Другая — жизнь и смерть Патрина. Третья — житие царя Дариана.

Однако эта геометрически стройная конструкция физически неравновесна. Первые две стороны треугольника — живые люди, наделенные реальной жизнью со всеми ее радостями и горестями. А третья сторона — фикция, ведь царь Дариан — не человек, он — персонаж.

В отличие от полнокровно реалистичных филолога из Душанбе и каллиграфа из Константинополя, царь Дариан с самого начала рисуется фигурой более легендарной, нежели исторической, скорее воображаемой, чем реальной.

Он появляется в сказочных денорациях, в кругу пышных, гиперболизированных знанов роскоши и славы, словно сходит с миниатюры в рукописи Афанасия Патрина. С переменной участи роскошные картины Дарианова царства тускнеют, само повествование становится сдержаннее, зато по мере несчастий герой все более оживает. Теряя благополучие сказочного царя, он выступает из двумерного изображения, поднимается над плоскостью красочной миниатюры, становится объемным.

Но, несмотря на то что к концу рассказа Дариан несомненно очеловечивается, он все же по-прежнему остается персонажем.

Как же так? Странный треугольник: почему две его стороны из плоти и крови, а в качестве третьей — весьма условное изображение?

Если читатель находит ответ на этот вопрос (правда, для начала ему нужно им задаться), он испытывает искреннюю радость. Неожиданная разгадка позволяет увидеть за личиной третьего героя живое лицо. И одновременно вплотную подойти к одной из главных идей романа.

На самом деле третья сторона треугольника принадлежит вовсе не персонажу, а тому, кто его создал, — автору!

Тогда все становится на свои места. Три стороны, три вершины: автор, соавтор (ведь Патрин не просто оформитель, он насыщает страницы своими чудными миниатюрами) и читатель-филолог. А фигура царя Дариана — это всего лишь изображение на обложке.

Но кто он, этот автор? В лемме, предваряющей книгу, говорится лишь, что ее составил некий «грешный монах Николай», закончивший свой труд 10 мая VII индинта 6502 года от сотворения мира (в 994 году). А где это произошло, в каком монастыре или городе, сколько лет в ту пору было

грешному монаху Николаю, кто он родом и откуда, с кем рос, почему и как принял постриг, — все укрыто мраком тайны, мы ничего не можем узнать.

Но как ни хотел автор спрятаться за своим героем, а все же его живые черты неизбежно просвечивают сквозь маску персонажа. Мы имеем дело с вымышленным царем — но на нем оттиснута личность его создателя. Читая описания жизни раба и скитальца, нельзя не заподозрить, что автор на своей шнуре прочувствовал все или почти все, о чем пишет: сам оказывался в плену, сам был рабом и сражался на арене. Что касается учительства — тут и сомнений быть не может.

Наделяя своего героя собственными чувствами и размышлениями, грешный монах Николай обращается к читателю из темной глубины веков.

Что же он говорит? «Рука писавшего сгниет в могиле, написанное останется на долгие годы».

Благодаря положенному на пергамен житию Дариана эта рука остается живой — и она протянута двум другим героям романа.

Кризис нарушает иерархию явлений окружающего мира и порождает нарушение иерархии эмоций. Дифференциация впечатлений — это не линейная эволюция от чувственных ощущений к сокровенному смыслу. Скорее, это движение напоминает лестничные переходы на гравюрах М. К. Эшера. Идущий думает, что шагает вверх, — а нет, путь ведет вниз. А вот ступеньки вроде бы нисходят — но вопреки очевидности он оказывается на вершине. Высокое и низкое, священное и профанное находятся рядом и, более того, то и дело меняются местами.

Филолог, ведя свой рассказ, движется от множества ярких и пряных, но незначительных картин к смутному предчувствию общей беды. Начало войны, исход-бегство, страшное самоубийство двоюродной сестры. Любовь к Баюшке, по-настоящему осознанная только после ее смерти, весть о гибели Рустама, одиночество и потерянности: «Человек инстинктивно убежден, что если сегодня все хорошо, то завтра должно быть еще лучше... Увы, увы. На смену ясному дню не приходит еще более лучезарный день. На смену дню приходит ночь».

Очевидно, что он шагнул вниз, — и вдруг его возносит на самую вершину: у него в руках бесценная рукопись. Средоточие чувств космической высоты, вызванных ею, невозможно без прохождения героем всех предыдущих уровней иерархии, всех странствий-мытарств души.

Кровавые интриги и социальные катаклизмы не слишком занимают мысли Афанасия Патрина. У него много забот, однако насущное не заслоняет его радостной веры, загадочных снов, любопытства, спокойных размышлений. Мир простых ощущений Патрина порождает в нем медитативное состояние покоя и гармонии. Он взлетает к небесам — и вдруг рушится в самую пучину мятежа и собственной гибели.

Царь Дариан тоже падает, взмывая, и поднимается, рушась.

Катастрофические сюжеты подталкивают героев к поиску того, что было бы вынесено за снобизм подверженного порче мира. Та поворотная ступень, с которой в романе Андрея Волоса начинается траектория общего движения, — это Искусство, а рукопись — вершина ценностной иерархии.

«Когда все было кончено, на успокаивающихся волнах началась только эта книга... Все иное исчезло, разрушилось, кануло в небытие».

Героев нельзя назвать победителями в обыденном, житейском понимании. Но каждого из них ждет небывалая награда — преодоление оков

времени. Они отражаются друг в друге, они мысленно пронизываемы друг для друга и более всего напоминают реинкарнации одной и той же личности. У них разные роли — автор, соавтор, читатель, но Искусство, позволяющее подниматься от частных трагедий к его общей красоте, дает им возможность обмениваться мыслями и ощущениями, становиться одним целым.

Жизнеописание царя Дариана, составленное монахом Николаем, переписанное и проиллюстрированное Афанасием Патриным, воспринимается филологом не только с точки зрения литературоведения — он видит его через призму собственной судьбы. Кроме того, обретая рукопись, он и собственную жизнь может воспринять как некую историю. Фантически на руинах своей жизни он сам становится Дарианом: «Я буду сидеть так день за днем и ночь за ночью. Постепенно трава оплетет мои ноги, в одном ботинке поселится мышь-полевка, в другом землеройка или просто дождевой червяк, под мышной заведут гнездо осы, а на голове — синичка или малиновка. Я буду сидеть, сидеть... но когда-нибудь все же смогу вырваться из этого тягостного сна, прийти в себя и начать жить заново».

Такой же медитативный покой нисходит и на царя, ставшего святым отшельником. Он растворяется во времени и одновременно преодолевает его: «Идет время, думал он, уже давно не пытаюсь раскрыть глаз, куда же оно идет? И приходит ли назад, достигнув цели своего путешествия? Ведь все возвращается — и снег, и цветы, и птицы, и облака. Может быть, и время тоже? Ну да, понимал он во сне, оно же просто идет по кругу — точь-в-точь как скотоводы, что раз за разом, год за годом гонят свои стада вековечным маршрутом. Значит, и время однажды, замкнувшись, двинется по своим следам, и все начнется заново. Надо только дожидаться».

Отголоски тех же «мыслей о мыслях» посещают и Афанасия Патрина: «Он давно уже понял, что, в сущности, человек почти всегда думает об одном и том же — о том же, о чем думал вчера и будет думать завтра. Все разнообразие определяется лишь тем, что у него есть несколько областей для раздумий. Мысль ночует по ним примерно так же, как ночуют скотоводы, гоня свои стада и отары: от века заведенным кругом, неуклонно возвращаясь к зиме туда, откуда прошлой весной начали свой долгий путь. Вот и следует одной дорогой, заново встречая все то, что давно знакомо, но воспринимается как новое. А потом возвращается к началу, начинает новый счет... и, как ни странно, именно это ограниченное движение создает ощущение жизни».

В описании того, как Дариан «руцой Божией был вознесен на небо», ясно слышен не только голос монаха X века. Детали говорят о том, что к финалу истории функции автора разделяет с Николаем и филолог, ведь только он мог упомянуть о том, что чудо вознесения Дариана произошло совсем неподалеку от родных мест Баюшки.

Двое влюбленных забираются на сналу, частью которой стал окаянный Дариан. «Если бы еще они жили в большом поселке Рухсор, где находится главная усадьба колхоза “Ба номи бисту дуоми Партсъезд”, что значит “Имени двадцать второго Партсъезда”... Но они были из совсем небольшого нишлана восточнее Рухсора...»

Сложная траектория лестниц Эшера описывает эволюцию не только восприятия, но и творческой роли — от читательской к авторской.

Утешение Искусством, доступное немногим к нему причастным, могло бы выглядеть как акт пусть высокого, но эскапизма. Однако финал романа вселяет надежду, что этот путь не заказан и другим.

Растворившийся в природе, погребенный в скале отшельник Дариан ждет своего часа. Час наступает, когда юноша, защищая любимую, отрубает голову ядовитой змее. Эта сцена столь явно вызывает к культурным архетипам, что не может не быть символом: «...Отделенная от тела голова эфы отпрыгнула в сторону, а само оно стало беспомощно извиваться. Однако случилось и нечто большее, совсем неожиданное: лезвие рассекло не только аспида, но и саму скалу под ним. <...> Скала с кряканьем расселась, а из глубокой трещины вырвался узкий и стремительный язык синего пламени.

Не причинив им, застывшим от изумления, никакого вреда, луч метнулся ввысь, мгновенно озарив окрестности, и медленно растаял в глубине темнеющего неба».

